

О Б Р А З Ж И З Н И — С О В Е Т С К И Й

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
делегат XXV съезда КПСС

СОВСЕМ недавно ко мне пришел корреспондент, связанный с радиовещанием на границу. Попросил выступить. Назвал тему выступления.

— Опять о свободе творчества? — переспросил я его почти машинально. — А кому это нужно? Для нас, советских писателей, — это не предмет спора. Жизнь давно показала, что искусство «над схваткой» попросту не существует. Что это — сказочка, придуманная для легковесных.

— Я с вами согласен, — заметил мне корреспондент. — Но появились новые выступления в западной печати. Целая дискуссия. Вас просят принять в ней участие.

Что ж, не в наших правилах уклоняться от идеологических споров. И все-таки не вдруг, не сейчас же согласился я выступить. И не потому, конечно, что у меня не нашлось бы что сказать по «данному» вопросу.

В самом деле, думалось мне, много ли будет проку от того, что я вслед за своими товарищами по литературному цеху или вообще товарищами по искусству в целом буду доказывать своим западным буржуазным оппонентам, что мы, художники первого на нашей планете социалистического государства, работаем в условиях полной свободы творчества, полного духовного раскрепощения, а они в ответ будут повторять заданное им их хозяевами, заученное и вы зубренное: «Нет, нет, в Советском Союзе не может быть такой свободы».

Позвольте, скажу я им, мыслимо ли, чтобы в отсутствие свободы творчества советская литература явила миру такие непреходящие духовные ценности, как, скажем, «Мои университеты», «Дело Артамоновых», «Жизнь Клима Самгина», драматическая трилогия Булычев — Сомов — Достигаев и другие произведения Максима Горького, созданные в послеоктябрьский период, «Разгром» А. Фадеева, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Железный поток» А. Серафимовича, «Соты» и «Русский лес» Л. Леонова, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Города и годы» К. Федина, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Василий Теркин» и «За далью — даль» А. Твардовского... Это только в области русской советской литературы. А литературы так называемых малых народов, не имевших до Октября даже своей письменности, а ныне заявивших о своей духовной мощи звучными и самобытными, услышанными повсюду голосами Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова, Давида Кугультинова, Ивана Шесталова, Юрия Рытхэу, Николая Дамдинова, — не есть ли эти литературы детища этой самой Советской власти?! Могло ли существовать, развиваться, набирать всепокоряющую силу своего неповторимого, не имеющего себе равных, искусство Большого театра? А МХАТ? А Малый? А Ленинградский оперный и драматические театры? А театры и различные ансамбли Грузии, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Молдавии, прибалтийских, да и всех наших братских социалистических республик, с неизменным триумфом гастролирующие по всему белу свету, — могли ли родиться и расцвести они в условиях несвободы?

Подобного рода вопросы я мог поставить перед нашими оппонентами в длиннейший ряд. Да только будет ли они внимать мне, когда им, ревностным исполнителям воли буржуазного общества, надо без усталости твердить: «Нет, нет и нет!» Да, согласятся они, Большой театр, «Тихий Дон», «Броненосец «Потемкин», «Чапаев», творения Довженко и Пудовкина, Бондарчука и Шукшина покорили мир, все-таки, будут настаивать они, у вас нет в нас может быть свободы творчества. На это мы можем заметить, что, ежели в условиях несвободы могут рождаться шедевры, то да здравствует такая «несвобода»!

КАЗАЛОСЬ бы, зачем доказывать без конца совсем очевидные истины? И все-таки, я полагаю, время от времени объясняться надо, особенно теперь, когда культурные наши связи с зарубежными странами, в том числе и капиталистическими, бесконечно расширились. Надо объясняться хотя бы потому, что поколения людей, как волны морские, сменяя друг друга, катятся по старой нашей планете и, подобно рекам, устремляются к морю, доискиваются истины. Где она, эта истина? Нет на свете человека, каковой не говорил бы и не думал бы, например, о Свободе как таковой? Что же она такое, свобода? И существует ли она как некий абсолют?

Последний вопрос особенно важен, потому как нет, кажется, еще другого такого понятия, вокруг которого стал-

кивалось бы столько разных мнений, накапливалось бы столько горячего, взрывчатого материала, вспыхивало бы столько самых высоких человеческих страстей и самых низких страстишек, которые столь же часто использовались бы как в благородных, так и в спекулятивных целях. «Свобода, свобода, свобода!» — слышится отовсюду, и каждый вкладывает в это великое слово свое.

Ну, а что же все-таки оно, это слово, означает, когда человек, едва родившись, оказывается туго запеленатым и какое-то время не может выпростать ни рук, ни ног, — какая уж тут свобода! А подросток человек — он убеждается, что в человеческом общежитии категория «нельзя» встречается куда чаще, чем категория «можно». Когда он делает нечто предосудительное с точки зрения человеческого общежития, его сейчас же сурово и строго спросят: «У тебя есть совесть или нет?» Совесть, оказывается, должна быть у каждого человека, если он действительно человек и хочет быть им и ничем иным, а совесть ведь не что иное, как один из самых жестких ограничителей нашей свободы. И люди нередко говорят при тех или иных обстоятельствах: «Сделал бы так, да совесть не велит». Когда хотят похвалить человека, о нем скажут: «Совестьливый». И к этому единственному слову не надо ничего прибавлять.

Прохорящий человек, как известно, имеет и не может не иметь своих убеждений, он исповедует и не может не исповедовать какие-то идеи. Вот почему я громко возглашаю: я — человек, и я не свободен. Я не свободен от законов человеческого общежития, не свободен от множества полезных правил, которые на протяжении тысячелетий выработали люди для упорядочения своих дел и совместной жизни на одной и той же планете. Я не свободен от своей совести. Я не свободен от своих убеждений, наконец! Последней «несвободой» я особенно горжусь, ибо она обретается ценою борьбы и в пору духовного возмужания.

Я коммунист и, стало быть, не свободен от своих, самым мною избранных и завоеванных в рядах моей партии коммунистических воззрений. Но эти мои воззрения и убеждения меня, как литератора, не сковывают, не обременяют, а, напротив, дают мне безграничную свободу в выборе художественных средств для защиты и воспевания того дела, во имя которого пролито так много крови человеком труда, волею, радостями и страданиями кою я живу и работаю.

Да, отдавшие жизни за Советскую Родину, за коммунизм, никогда не простили бы нам, если бы мы равнодушно взирали на то, как люди, которым не дороги наши идеалы, яростно атакуют святая святых советской литературы — ее идейные позиции, ее партийность и народность, самое основу ее существования — быть первым и до конца верным помощником партии.

Сказать об этом в канун исторического события — XXV съезда КПСС я считаю для себя непререкаемым и первейшим долгом.

Сила слова безгранична. Призванное объединять людей и действительно часто объединяющее их в малые, большие ли семьи, оно, слово, употребленное во зло, может создать отчуждение между людьми, то есть образовать между ними пропасть, друзей сделать врагами.

Мы часто внушаем друг другу, что с огнем играть опасно. Но гораздо реже мы говорим, что не менее опасно играть и со словом, поскольку в нем, слове, таится не меньшая термоядерная сила.

Непросто найти слова, что «светят вдаль и вглубь», но именно таких слов требует сама советская действительность, которая мы беремся изображать. Нам есть о чем говорить во всеуслышание. У нас, советских, собственная гордость, как говорил Маяковский. Это гордость высоким интеллектуальным ростом нашего человека, нравственным его совершенствованием, гордость огромными успехами во всех сферах — и социальной, и экономической, и внешнеполитической. Гордость тем, что мы называем советским образом жизни.

Слово советского писателя призвано быть и созидательным, и возвышающим. Сокрушительным оно должно быть лишь относительно всего, что нам мешает жить по-нашему, по-советски, по-коммунистически, и идти избранным нами путем.

Мы гордимся тем, что на всех партийных наших съездах, с самой, стало быть, высокой трибуны, о делах советской литературы говорится как важнейших, наша работа, работа деятелей литературы и искусства, ставится в ряд других великих общегосударственных и общепартийных дел.

Это и понятно, поскольку цель у нас одна и заботы одни.